

Title	Интернационализм и общечеловеческое мышление в народничестве П. Л. Лаврова
Author(s)	Сасаки, Тэрухиро
Citation	Acta Slavica Iaponica, 7, 1-15
Issue Date	1989
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/7984
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034151.pdf

ARTICLES

Интернационализм и общечеловеческое мышление в народничестве П. Л. Лаврова.

Тэрухиро Сасаки

При изучении общественной мысли России вообще, народничества в частности, подчеркивались национальные особенности России, а не уделялось достаточного внимания общечеловеческой стороне. Россия — многонациональное государство. В такой стране, мысль, провозглашающая примат единоплеменности, не может служить ведущей идеологией. Только идеи, позволяющие сосуществование народов разных племен и национальностей, могут соответствовать действительности России. Само собой разумеется, что есть разные степени в интернационализме и национализме по предполагаемому масштабу региона : в России, в славянском мире, в Европе, в мире и т. д. Интересен тот факт, что националистическая мысль в России появилась не под названием *руссофила*, а в качестве *славянофила*. Если говорить о специфике русских черт, то нельзя не вспомнить о духе, обнимающем в себе многообразие национальностей.

В наше время пробуются сравнительный подход к народничеству, т. е. сопоставление русского народничества и популизма современных развивающихся стран. Но в отличие от русского народничества популизму нашего времени присущи более сильные националистические черты.

В 70 - х гг. прошлого века народничество появилось в одном из крупнейших государств и его задача заключалась в борьбе против государственности своей страны. Оно должно было вести борьбу против российского государственного национализма во имя освобождения экономически угнетенных народов. А современный популизм прежде всего должен бороться за строительство прочного государства. В этой разнице предстоящей задачи мы видим существенную разницу между современным популизмом и народничеством XIX - го века в России.

Следовательно, если подходить к русскому народничеству только с позиции освещения националистических аспектов, то трудно понимать, почему народники участвовали в международном революционном движении за границей, почему и нерусские принимали активное участие в народническом революционном движении.

До сих пор сильное влияние оказывает определение этой идеологии как идеологии славянофильского происхождения. Но тогдашние народники рассматривали иначе. Например, Каблиц (И. Юзов) пишет : “Народничество есть учение об обществе вообще. Ошибочно думают те, кто применяет это учение только к русскому обществу. Оно может быть не только русским, а и английским, польским, французским, чувашским, индусским и т. д. Народничество прежде всего опирается на общечеловеческие свойства и потребности,

а затем уже, принимая во внимание особенности того или другого народа, становится национальным. Но ничуть не думает поощрять национальный эгоизм, а, наоборот, старается выяснить полнейшую несправедливость хищнического отношения народов друг к другу. Таким образом, *народничество, отрицая космополитическое учение об уничтожении национальных отличий, вместе с тем, является общечеловеческим учением об обществе.*"¹⁾

В нашей статье мы рассматриваем эти общечеловеческие черты в народничестве у одного из важнейших идеологов, у Петра Лавровича Лаврова и попытаемся раскрыть одну важную сторону многогранной народнической мысли. Читатели узнают, какое огромное наследство оставило народничество в развитии революционной мысли многонациональной Российской империи.

П. Л. Лавров считает связующим звеном фракций народничества принцип : "перестройка *посредством* народа и союз интеллигенции и народных масс". Он пишет :

"Народничество оставалось характеристической чертой партии во всех ее фракциях. Но смысл этого слова изменился. Оставались прочными убеждения :

"На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только *с целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа. ... Только союз интеллигенции единиц и силы народных масс может дать победу".

Но форма этого союза и способ, которым народ совершит перестройку, долженствующая иметь место "посредством" народа, требовали дальнейшего более внимательного изучения и более долгого опыта. Каковы могли, каковы должны были быть при этом подготовительные фазисы сближения интеллигенции и народа, фазисы приготовления интеллигенции к ее роли помощников народа и приготовления народа к его роли самоопределения своих судеб? — Эти вопросы предстояло решить следующим эпохам движения : эпохе деятельности народников "Земли и Воли", с их *попытками крепкой организации* интеллигенции, расселяющейся в народе ; эпохе народников "Народной Воли", с их *действительной организацией* интеллигенции для борьбы с правительством, как главной помехой свободного и самостоятельного приготовления народа к его самостоятельной роли"²⁾.

В вышеуказанном Лавров считает важным элементом роль интеллигенции в перестройке русского общества. По его мнению, критически-мыслящие личности носят общечеловеческие идеи, выработанные историческим развитием человечества. Это - идеи социализма. В его понимании развитая личность должна отрекаться от узкого национализма. А народ живет на национальной почве, живет по традиции, по обычаю. Именно на такой схеме изображено отношение между интеллигенцией и народом в его главном труде "*Исторических писем*".

Но в начале издания "Вперед!" Лавров подчёркивал большую роль народа.

"На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только *с целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свер-

гнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, благодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим сознанные и понятые”³⁾ Такое убеждение подтверждается бедствием крестьянства после отмены крепостного права, т. е., после Великой Реформы, проведенной самим Александром II. Ни просвещенный царь, ни развитое меньшинство интеллигенции не могут улучшить экономическое состояние народа. Крестьянство страдает и после освобождения от бедствия и голодает под тяжестью выкупных платежей. Развитие денежно-товарных отношений в деревне, рост арендаторов увеличивали неравенство между кулаков и бедных крестьян.

Бакунин проповедовал, что русское крестьянство само несет в себе социалистический идеал, поскольку оно живет при общинном землепользовании. Следовательно, русский народ сам по себе является носителем общечеловеческих идей. В этом лежит большое расхождение во взглядах у обоих идеологов народнического движения 70-х годов. Кто стоит на уровне общечеловеческих идей : интеллигенция или народ ? По Лаврову нужна подготовка народа, интеллигенция должна учить народ. По Бакунину интеллигенция должна учиться у народа.

Однако, Лавров, высказываясь о главной роли народа, не развивает конкретное содержание смысла перестройки “*посредством* народа”, предоставляя решение этого вопроса реальному ходу революционного движения. Зато он подчеркивает роль интеллигенции как помощника революции. Причина в том, что социализм в России, по мнению Лаврова, мог иметь место в форме идей, воспринятых интеллигенцией. Он пишет :

“Все человеческие идеи, за которые боролись люди 40-х годов, все политические идеалы, которые ласкали воображение небольшого меньшинства в самой среде господствующих классов, были идеями и идеалами, почерпнутыми не из русского предания, не из местного развития страны, а из европейской эволюции мысли”⁴⁾

“Как сила идейная, литературная, сближающая местные элементы с заимствованиями из идейных сфер других стран, она (интеллигенция) двинула декабристов на Дворцовую площадь, создала литературу гуманитарных идей под сапогом Николая I”⁵⁾

Лавров имеет в виду не только литературу политическую, но и *художественную*. В молодости он увлекался Лермонтовым. Посвятив свое стихотворение и считая себя даже его “братом”, он пишет в дневнике.

К Лермонтову⁶⁾

 Так повтори мне слово мира.
 Ты знаешь, говоришь, его,
 Пускай же творческая лира
 Утешит брата твоего,

Смири безумные сомненья.
 Волшебным словом уврачуй
 Больного сердца триволенья,
 Дай брату братский поцелуй.

1841, Март.

Юный Лавров разделяет и психологию Печорина, раздвоение сознания у лишнего человека. В дневнике от 29 ноября (1841) он писал :

“Во всяком человеке есть два совершенно отдельных существа : одно мыслит, чувствует, рассуждает, другое действует. Первое — это человек нравственно-разумный, второе это человек физический. Очень редко случается, чтоб эти два существа были в ладу, потому что одному хочется совсем противоположного чему другому”.⁷⁾

В период первой революционной ситуации возникает литературная полемика вокруг лишних людей. Добролюбов иронически высмеял их в статье “Что такое обломовщина?” (май, 1859) : “Если я вижу теперь помещика, толкующего о правах человечества и о необходимости развития личности, — я уже с первых слов его знаю, что это - Обломов”.⁸⁾ (-*курсив мой*- Т. С.)

Спустя полгода Лавров опубликовал свой “Очерк теории личности” (Отеч. зап. No. 11-12, 1859) и посвятил эту работу Герцену, защищавшему лишних людей в статье “Very Dangerous!!!” Практическая философия Лаврова построена на развитии сознания человека, исходящего из факта раздвоения сознания : “Я” и “другое я”. И он считал это “другое я” нравственным идеалом⁹⁾.

Литературная полемика перешла на философскую арену между Лавровым, Чернышевским, Писаревым, Антоновичем, Юркевичем и др.

Лавров выдвигает “критически-мыслящую личность” как движущую силу истории в *Исторических письмах* (1868-69), но прототип появляется уже в работах накануне отмены крепостного права. Цитируя Гегеля Лавров пишет : “Идея необходимо идет по лестнице истории. Она разумна во всех своих воплощениях, но в то же время эти воплощения составляют действительность. Отсюда — Всё действительное разумно, и всё разумное действительно”.¹⁰⁾

Роль разрешения этой тавтологии Лавров видит в *критике*, согласно Арнольду Руге, ей он придает огромное значение :

“Время требует *критики*, и эта *критика* в особенности необходима в приложении ко всем историческим явлениям, так как самый исторический процесс есть постоянная критика, каждая эпоха противопоставляет современную ей действительность понятию о надлежащей действительности и в своем стремлении улучшить первую переходит к другой”.¹¹⁾

Из философии Гегеля он воспринял формулу “единство формы и содержания” и определяет исторический процесс тем, что “человек воплощает в жизнь нравственное содержание, ломая и перестраивая формы, в которые он воплощает, по мере того, как они

не удовлетворяют своему содержанию”¹²⁾ По Лаврову социализм в России мог иметь место лишь в форме *идейного* исторического течения, а не мог до 70-х гг. появиться в ней как социализм *рабочий*.¹³⁾ Появление Интернационала и знакомство с ним убедило Лаврова в существовании реальной почвы для социального переворота. До этого он не видел “почвы для социального переворота, но даже для политического действия вне медленной подготовки умов”¹⁴⁾ Об этом Лавров пишет в *Исторических письмах* следующее :

“Я не говорю о тех, которые всю жизнь бьются из-за куска хлеба. ... Если прогресс прошел над их головами, не дав им даже развития, то они лишь жертвы его. Если их коснулось умственное развитие, если сознание лучшего зажгло в них ненависть ко лжи и злу, но обстоятельства задавили в них всякое проявление этого сознания и ограничили их жизнь заботой о насущном хлебе ; если при этом, они все-таки сохранили человеческое достоинство, то они своим примером, своим существованием суть самые энергические деятели прогресса. ... и когда одному на сто из великих деятелей удастся провести в жизнь свои идеи, он вдруг видит около себя группу крепких людей, закаленных работою, непоколебимых в своих убеждениях, радостно протягивающих ему свои руки. Из-за этих-то незаметных героев создается во всякую великую историческую минуту почва для преобразования”¹⁵⁾

Из выше цитированного видно, что Лавров предполагает почву в забитых людях, сохраняющих достоинство человека в трудных жизненных условиях. Эти безымянные люди протягивают руки побеждающей интеллигенции. Следовательно, критически-мыслящие личности должны вести борьбу независимо от народа, который всегда готов поддержать победителя. В этом лежит большое расхождение с тактикой “Вперед!”, считавшей подготовку народа необходимой.

В таком взгляде на народ в *Исторических письмах* мы можем видеть сходство обстоятельств лишних людей, оторванных от почвы. Однако Лавров призывает интеллигенцию к борьбе за идею под лозунгом *неоплатного долга перед народом*.

“Член небольшой группы меньшинства, видящей свое наслаждение в собственном развитии, в отыскании истины и в воплощении справедливости, сказал бы себе : каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллионов. ... Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и в будущем. ... Отыскивая и распространяя более истин, уясняя себе справедливейший строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслаждение и в то время делаю все, что могу для страждущего большинства в настоящем и в будущем. И так, мое дело ограничивается одним простым правилом : живи сообразно тому идеалу, который ты сам себе поставил, как идеал *развитого человека*”¹⁶⁾

Такие мысли принадлежат не только к одному Лаврову, но и многим имеющим совесть дворянам, например, Н. И. Новикову, даже Писареву, вопреки мнению д-ра Скандли, утверждавшего, что самое понятие “долга” было чуждо мировоззрению Чернышев-

ского и Писарева.¹⁷⁾

“Я взял - пишет Писарев, - займы чужой труд; теперь надо же уплачивать этот долг. А чем уплачивать? Деньгами, что ли? Очевидная нелепость. За труд можно платить только трудом. Сначала другие люди работали для меня, а теперь я должен работать для других людей”.¹⁸⁾ И в Евангелии высказывается такая же мысль: “Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Бога”. (Иакова, 5, 4)

Следовательно, понятие *долга* является традиционным в христианском мире. Когда нет почвы действия, люди опираются на традиционную мораль. Нравственность, провозглашенная в *Исторических письмах*, носит в себе и традиционную мораль, легко понимаемую читающей публикой в России того времени.

Однако Лавров призывает интеллигенцию к образованию особой *почвы* для борцов за прогресс. Критически-мыслящие личности, оторванные от народа, уединенные от мещанского общества, принимаются за организацию своей партии.

“... Именно этим людям, самостоятельно думающим, самостоятельно действующим, привыкшим к нравственному уединению, надо теперь сойтись, сплотиться вместе, думать сообща, действовать сообща, организовать нечто сильное, единое, но сильное коллективную силу, единое абстрактным единством; их же индивидуальность, которую они уберегли от затягивающего влияния рутины, индивидуальность, к которой они так привыкли, которую они так дорожили, должна исчезнуть в общем направлении мысли, в общем плане действия. Они создают организм, но сами в нем сходят в положение органов. И это они делают добровольно”.¹⁹⁾

Многие исследователи считают понятие “партии” Лаврова важным вкладом в русское революционное движение. Г. Сканлан указывает на сходство идеи о партии между Лениным: “... he was able to draw in bold outline the picture later detailed and implemented so effectively by Lenin and the Bolsheviks. ... In this way the Historical Letters first brought home to Russians in the homeland, on a broad scale, the problems and promise of the disciplined party action”.²⁰⁾ Партия, справедливо названная Сканлан как “home,” представляет собой “почву” для новых лирических людей.

Исторические письма явились своего рода протестом против шовинизма в России, возрожденного Польским восстанием 1863 года. Лавров был жертвой этой реакции. Он критикует поднятый слишком национальный дух в тогдашней прессе.

“Стремление поедать чужие национальности, уничтожая их особенности, есть факт антипрогрессивный. ... Органом подобного же патриотизма в России стали в наше время “Московские Ведомости”.²¹⁾ Лавров критикует историков и писателей, провозглашавших русский мессианизм, дух народа и традицию.

“И вот человеку говорят: покорись, потому что против тебя дух народа, опыт человечества, разум истории. Есть ли достаточный повод для личности, на основании этих аргументов, отказаться от своего убеждения, как *неразумного*? Что такое дух народа? ... В каждый момент своей истории народ в своей жизни представляет результат ...

трех элементов : естественно-необходимого, исторически-привычного, лично-придуманного. Их комбинация составляла и составляет народный дух. В нем неизбежно лишь то, что обусловлено физически и климатически. Все остальное – привычка, постоянно изменяющаяся под влиянием мысли личностей и их действий”²²⁾

Определив дух народа таким образом, Лавров спрашивает о конкретном содержании выражения “народный дух.”

“Спросите наших соотечественников : где истинный народный дух России? Кто укажет на Москву, Ивана Васильевича Грозного со Стоглавом и “Домостроем”; кто – на новгородский вечевой колокол; кто – на Владимира-Красное Солнышко, да мифического Святогора; а то пойдут перечислять Великого Петра, Великую Екатерину, Сперанского с его преобразованиями; кто остановится на 1854 году, кто на 1861, кто на 1863, кто на 1866. И все будут спорить; все будут доказывать, что вот здесь уловлен, угадан, воплощен в миф, в быт, в указ или в слово настоящий народный дух.

Кто из них прав? На чем остановилось развитие русского народного духа? На доисторическом славянском духе? на слое византийской культуры? или на слое Петровской цивилизации и чиновничества? Или этот дух, оставаясь собою, воспримет на себя все новые и новые элементы?”²³⁾

Лавров не позволяет никому приковывать современный дух к какому-либо старому принципу, выводимому умышленно из прошлого. Он спрашивает : “Почему автор “Домостроя” имеет более меня прав на выражение народного духа?”²⁴⁾ Он заключает такой спор простым своим убеждением: “Народный дух в данную эпоху есть дух критически-мыслящих личностей этой эпохи, понимающих историю народа и желающих внести в его настоящее возможно более истины и справедливости”²⁵⁾ И так освобождается мысль современников от ига прошлого. И каждый народ становится свободным от своей традиции, тем самым критически-мыслящие личности всякого народа, и русские, и евреи, и грузины, и поляки, и др., могут участвовать в общей борьбе за прогресс в России и за границей.

Дух народа есть дух критически-мыслящих личностей – это утверждение составляет и другую ось. В современном мире дух народа появляется как дух критически-мыслящих личностей. Для такого мышления исчезнет пропасть между интеллигенцией и народом, хотя это исчезновение только на словах. В действительности для приближения идеалов народа и интеллигенции требуется огромное усилие, или более того, такое сближение почти невозможно. Именно эта задача будет стоять перед Лавровым после принятия участия в революционном издании за границей.

После бегства за границу Лавров вступил в Интернационал, пережил Парижскую коммуну, которая показала ему, что в гибели Коммуны повинны вкоренившиеся в сердце французов *национализм* и *якобинизм*.²⁶⁾ В программе “Вперед!” Лавров утверждает, что “Вопрос национальный должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы”²⁷⁾ И демонстрируя таким образом приоритет международного движения, он в то же время заявляет, что “национальности представляют совершенно реальную,

неизбежную почву для каждого общественного процесса... В разных местностях для разных национальностей задачи данного мгновения могут быть различны, но каждая нация должна делать *свое* дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям”²⁸⁾ Лавров пишет :

“Интернациональный элемент социализма ни на минуту не упускался из виду в этом органе русских пропагандистов-народников, и если можно было в чем-либо обвинять его в этом отношении : это – в слишком большой доле, отведенной этому элементу во “Вперед !”²⁹⁾

Впередовцы считали, что социализм есть учение о солидарности всех рабочих, независимо от языка, от национальности, от расы, что он распространяет требование солидарности на *все человечество* и требует прекращения борьбы за существование *внутри* человечества.³⁰⁾ “Да, то, чего не могли сделать ни господство обычая, ни обещания религии, ни государственная организация, ни национальная связь – доставление прочной реальной основы для человеческой (и даже общечеловеческой) солидарности – это намеревается и надеется совершить рабочий социализм, объявляя войну тому началу всеобщей конкуренции и господства капитала, которое подорвало и вынесло на рынок религию, политику, национальность – все связующие силы старой общественности”³¹⁾

По программе “Вперед !” освободительное движение славян на территории Турции и Австрии поддерживается лишь в том условии, когда оно носит социалистический принцип и сможет вступить после успешной борьбы в общеевропейскую федерацию. Программа гласит : “Живыми партиями в среде славян мы признаем лишь те, которые пишут на своем знамени, рядом с девизом независимой национальности, девиз социальной борьбы против монополии частных собственников и капиталистов, научной борьбы против религиозного элемента. Для нас бессмысленна и достойна сожаления борьба национальности, которая сковывает с своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православия или католицизма, безнравственные предания феодализма, боярства или шляхетства. Социальные партии Сербии, Кroatии, Чехии, Польши, Гальчины суть наши братья по делу и по крови; их передовым кружкам мы с радостью откроем страницы нашего журнала; мы будем рукоплескать их победам; мы надеемся, что им, и только им, удастся восстановить независимость их родины, что они вступят равноправными членами в будущий строй федерационной Европы”³²⁾

Отсюда вытекает идеал “Федерационной Европы,” в которой исчезнет всякий раздор между народами Европы.

“Кто поставил интересы холопов выше интересов шляхты, кто бьется за идеал европейской федерации свободных общин, тот наш брат и союзник. В будущей федерационной Европе границы между федеративными единицами будут иметь крайне мало значения”³³⁾

С такой позиции естественно выражается приветствие поражения Российской империи во всякой войне, которое впоследствии должно быть превращено к социальной революции с помощью возвращающихся солдат.

“Политическое торжество русского правительства в возможной войне повело бы, по всей вероятности, к еще дальнейшему общественному разврату, как оно повело бы к дальнейшим притеснениям, к торжеству реакции. ...

Роль социалистов-революционеров определена их задачей. Когда они будут достаточно многочисленны и достаточно хорошо организованы, они просто скажут, в минуту объявления войны, государственным хищникам: *Мы не хотим.* Мы — войско. Мы — народ. Ваше время прошло; сойдите со сцены. ...

Но пока социалисты-революционеры еще недостаточно организованы, недостаточно многочисленны, они могут лишь воспользоваться войною хищников; они могут воспользоваться тем экономическим расстройством, которое всякая война вносит в общество; они могут воспользоваться явным грабежом, явным притеснением солдата, которого гонят на войну его чиновные эксплуататоры. ... Они напомнят солдату, которого ведут на войну от семьи, как эта власть, которая гонит его на бойню, тиранила его еще вчера. ... они подскажут ему, что ему не насмехаться надо над врагами своими и врагами народа, что ему надо стать братом и товарищем народа, надо быть готовым отдать свое оружие и свою силу на великую борьбу пролетариев.

Когда же солдат придет, союзником или врагом, в чужой город, где уже кипит борьба между рабочим и капиталом, они сведут его с борцами за пролетариев; они дадут ему послушать речь рабочего, у которого один враг — капитал, у которого одно отечество — всемирный союз работников; они скажут солдату, что именно он, пролетарий, погнанный на бойню из-за хищничества венчаных шулеров; именно он, кому внушали вражду к народам, страдающим, как страдает и его народ под бременем капиталистического и государственного хищничества, именно он обязан вступить в братский союз пролетариев всех стран противу всех разбойничьих властей; именно он обязан принести с собою на родину семя всемирной борьбы народов против их эксплуататоров”³⁴⁾

С таким отношением к национальному вопросу Лавров подходит и к польскому вопросу. Лавров выступал с своей речью на годовщине польского восстания 1830 г. 4 декабря 1875 в Лондоне:

“...мы, приверженцы международного рабочего социализма нового времени, можем с полным правом почтить, в ряду наших предшественников, и борцов за независимость польского народа, в память которых мы собрались сегодня. На могилах старых борцов, боровшихся под разноцветными знаменами и разнообразными гербами, да соберутся все народы теперь под единым красным знаменем социальной революции, знаменем солидарности всех трудящихся и всемирной справедливости. Во имя этого, общего нам всем знамени, приветствуем прошедшее, на сколько оно подготовляло настоящее, но выше и прежде всего приветствуем это настоящее, которое *одно* может решить задачи, поставленные прошедшим”³⁵⁾

Только на почве социализма под красным знаменем поддерживается братство с поляками, а нисколько не на почве Исторической Польши.

Социалистические идеи пропагандистов-народников были прежде всего преодолением

национализма и провозглашением международного социализма, и тем самым, могут позволять борцам разных национальностей участие в революционном движении в России. “Вперед!” успел присоединить к себе немало евреев. Лев Гинсбург, В. Н. Смирнов были лидерами лавристов. И в России они активно вели пропаганду социализма, но не для своего племени, а для “народа.” Л. Дейч пишет о деятельности Чудновского, еврея-лавриста.

“Чудновский, решив посвятить себя делу освобождения трудящихся масс, имел в виду все народности, входящие в состав страны, а не ту, к которой он принадлежал по рождению. Ни ему, да и никому из нас, тогда действовавших в России евреев, не приходило на ум, что каждый должен работать среди своей национальности и вести пропаганду на том языке, на котором она говорит. Как я уже сообщал, население страны нам представлялось как бы одной сплошной массой, тесно связанной единством тяжелого труда, невероятных лишений и всяких страданий. Темные, неграмотные массы, — будь то русские, поляки, латыши и т. д., — поймут, думали мы, наши цели, нашу проповедь справедливости и счастья, если мы передадим это на понятном всем простом языке, господствующем в стране”³⁶⁾

Трудности действия в народе для еврейских народников во время “Хождения в народ” заключались в следующем: “Чтобы стать сколько-нибудь видным пропагандистом, необходимо было обладать столь многочисленными и разнообразными свойствами, которых евреи той эпохи никак не могли сразу приобрести; не говоря уже о знании в совершенстве русского языка, что и теперь еще, полвека спустя, далеко не всегда встречается между образованными евреями, даже окончившими всякие высшие учебные заведения. Тем реже, понятно, попадались в ту отдаленную пору между нами лица, не выдававшие себя сразу, как говорим, так наружностью и манерами. Между тем, пропагандист, намеревавшийся действовать среди крестьян, должен был не только знать всевозможные шутки, прибаутки, присказки, но также обладать особенным даром, — не всегда, как известно, имеющимся и у интеллигентов-христиан, — умением подойти, увлечь трудящегося человека : кому не известно, как в ту пору, немного лет спустя после освобождения крестьян, последние крайне враждебно относились ко всякому, кого они причисляли к “барам”³⁷⁾

Вспоминая о тогдашнем способе пропаганды среди еврейского народа Дейч считает, что это был способ обрусителя.

“Что особенно интересно и важно для евреев, ввиду тех огромных размеров, какие приняла теперь среди них проповедь социализма на еврейском языке, это то, что Гольденберг, вместе с известным Либерманом, является одним из основателей первого еврейского общества, поставившего себе целью вести пропаганду социалистических идей среди еврейских тружеников на их разговорном языке. Раньше этого и много лет еще спустя еврейская социалистическая молодежь, действовавшая в России, совершенно не признавала нужным заниматься проповедью социализма среди наших единоплеменников, вообще, и тем более — на еврейском языке. Для нас, в сущности, соверше-

нно не существовали труженики-евреи. Мы смотрели на них глазами обрусителей: еврей должен вполне ассимилироваться с коренным населением, как это уже произошло во Франции, Англии, Германии. Как сторонники интернационального социализма, мы, вообще, отрицали пропаганду на языках разных, находящихся в России народов, а на еврейском — в особенности, так как “жаргон” мы вовсе не признавали за язык, и многие из нас — я в том числе — совершенно его не знали”³⁸⁾

Хотя в программе “Вперед!” пишут, что “приходится действовать в *данной* местности, на общество, говорящее *данным* языком, выработавшееся до *данной* культуры”³⁹⁾ в действительности пропаганда, соответствующая к местным условиям, была трудной.

Драгоманов критиковал позицию лавристов за космополитизм и в то же время за игнорирование условий народов, не образовавших государство или угнетенных господствующей нацией.

“Наше разногласие с Вами, т. е. со “Вперед”, мне кажется, не может быть выражено словами Вашего последнего письма: что я придаю больше, чем Вы, значение национ. вопросам. Вы, судя по программе “Вперед” и речи на польском банкете в память 1830–31 гг., придаете им значение едва ли не больше, чем я, — а я всегда писал, что придаю им значение весьма небольшое. Но Вы имеете в виду только национальности государственные, а я говорю преимущественно о народностях мужицких, которые считаю некосмополитическими, забытыми, в виду гнета на них государственных национальностей, и в которых усматриваю один из сильных факторов социальной революции и упразднение феодально-государственного строя и таких же международных отношений.

Утверждать же, что национальностей совсем нет, как молодая редакция “Вперед”, Вы никогда не станете, да и такое утверждение, все равно, на практике приведет все не к уничтожению национальных различий на свете, а к той же поддержке сильного, через умолчание о слабом и даже через битье последнего, если он поднимает голову. На практике космополитизм многих “Впередовских” кружков у нас в(sic!) Украине состоит вот уже несколько лет вовсе не в том, как Вы говорите, что и не украинцы действуют среди укр. народа применительно к местным условиям, (Вы говорите: “если знают язык, то по настоящему, по космополитическому, — если не знают, то *должны* или учиться, или уезжать туда, где они знают.) — а в том, что и украинцы родом проводят значительное количество времени в разговорах: “следует ли быть на свете украинцам?” и в кассировании тех попыток деятельности “в местных условиях” с самыми космополитическими целями, которые начинают украинцы”⁴⁰⁾

Драгоманов подвергает критике русских революционеров вообще за то, что, по мнению Драгоманова, они останавливают проявление требований более слабых и малочисленных национальностей в России под предлогом интернационализма, а такой интернационализм не иной что великорусский партикуляризм. Драгоманов пишет:

“Я ополчаюсь только против великорусского или (государственного) российского партикуляризма и узости, которая претендует на интернационализм. . .”⁴¹⁾

Ткачев критикует Лаврова за то, что “Вперед!” гораздо больше соответствует рабо-

чему движению в Западной Европе, чем обстановке в самой России. Ткачев придавал первостепенное значение политической борьбе *внутри* России и провозглашал “заговор, совершаемый меньшинством. А Лавров отвергал “всякую неограниченную власть” и провозглашал экономическую борьбу и перестройку *посредством* народа. Этот спор завершился опубликованием лавровской брошюры “*Государственный элемент в будущем обществе*” (1876), в которой признавались и заговор и власть революционной партии и до и после революции.⁴²⁾

Но чем же все-таки объясняется такая эволюция от программы “Вперед!”? Лавров объясняет эту причину эволюцией обеих групп Интернационала : поворот Генерального совета по предложению Беккера к признанию своеобразий местных социальных революций и изменение политики Альянса к признанию неизбежности централизации революционной организации в странах, где нет легальной почвы.

“Социалистическое движение в России: как в Европе, подвергаясь эволюции под влиянием событий, принуждало и сделками с реальными явлениями, иногда вносившими модификации и в принципиальные, по-видимому, положения. В этом отношении строгие критики направления “Вперед!” могли бы сделать его редакции более важным на первый взгляд укор, опираясь на ход истории социализма в последующие годы. “Вперед!” видел в международном рабочем государстве без территории социалистический идеал Интернационала и потому относил к *отклонениям* от этого идеала как образование *национальных* социалистических партий, стремящихся овладеть законодательной властью в *существующих* политических организациях так и борьбу социалистов в союзе с буржуазными радикалами, в одном случае, за всеобщее право голосования, в другом – за национальное обособление и т. д. ... Этой грандиозной идее всемирного политического союза пролетариата с крепкой организацией явилась оппозиция с разных сторон.

Во-первых, частью извне Интернационала, частью внутри его, деятельно пропагандировалась идея всенародного законодательства для всенародных целей в пределах *существующих* политических национальностей, на почве *существующей* государственности; это вело к образованию различных рабочих партий в нынешних государствах, партий, из которых одни – в государствах с более демократической конституцией (как в Америке, в Швейцарии, во Франции) прямо стремились захватить законодательство *нынешних* государств в свои руки, отодвигая на второй план “рабочее государство без территории”; другие – в государстве, где не существовало всеобщего права голосования, употребляли все свои силы на политическую агитацию за получение этого права, опять-таки отодвигая на второй план агитацию в пользу международного союза пролетариата для повсеместной борьбы против его врагов соединенными силами.”⁴³⁾

Несмотря на то, что Лавров признавал специфику местных условий русской социальной революции, он остался верен принципу интернационализма на всю жизнь. Его революционная мысль воспитывала революционеров разных национальностей в Российской империи. Лавров преодолел национальную узость. Это дало ему возможность стать связующим центром для революционеров всех национальностей, проживающих в России,

и вместе с тем самому стать одним из ведущих деятелей в международном рабочем движении. Почему он мог выработать в себе такой образ мысли, свободной от узконациональных предубеждений?

Мы попробуем объяснять эту причину той нравственной средой, в которой воспитывался молодой Лавров. Как он сам часто пишет, литература под сапогом Николая I имело большое значение в формировании гуманных идей в русском обществе. Лавров увлекался Герценом, Лермонтовым и др. Русская литература, особенно литература лирических людей, оказала огромное влияние на ум молодого Лаврова. Для Лаврова, в отличие от Чернышевского, искусство представляет собой выше реальной действительности.

“Это (искусство) область идеала, — пишет Лавров, — создание художником личностей, столь же живых, как личности природы, но имеющих пред последними преимущество, что мы их узнаем именно в характеристические моменты. Эти лица делаются неизменными членами общества, в котором родились, более действительными, чем самые люди, его составляющие”⁴⁴⁾

По Лаврову действительность ниже идеала. Это означает, что человек не должен ограничиваться окружающей действительностью, узкой национальной почвой.

Лавров намеревался дать ответ на заданные вопросы в русской литературе: болезнь “рефлексии,” раздвоение “Я” и “*другое Я*,” оторванность от почвы, бездействие и др. Он и сам страдал так же, как и Печорин. Оторванность от русской действительности и уединенность в себе самом придали лишним людям бездомность потерявших родину, не национальный характер. В русской литературе, по мнению Драгоманова, имеется влиятельная сила европеизации.⁴⁵⁾ Практическая философия Лаврова рождалась в литературной действительности. Корень общечеловеческого мировоззрения у Лаврова скрывается в увлечении русской литературой в молодости.

Лишние люди сороковых годов превращаются Лавровым в критически-мыслящих личностей. Не только отсталость русской реальной почвы, но и высокий уровень русской литературы рождали гуманистические идеи XIX века России, в том числе и народничество, чьи мысли легко совместимы с интернационализмом и являются общечеловеческим достоянием всего мира.

Одноко существенным остается вопрос: является ли национализм специфической чертой народа? Не интеллигенция ли насаждает в народе узкий национализм и шовинизм? Простой народ гораздо легче находит общий язык с другим народом. Не мудрствующая интеллигенция ли мешает народу общаться без предубеждений? Идеал простого народа и высший идеал интеллигенции никогда не расходятся, если интеллигенция размышляет правильно. Трудность заключается в том, как преодолеть ложное предубеждение, препятствующее реальному сближению идеалов народа и интеллигенции, которые в основе своей сходятся. Бакунин был прав, когда говорил что надо “учиться у народа.” И Лавров тоже был прав, предлагая “учить народ,” чтобы народ понимал свою истинную потребность. В обоих позициях на интеллигенции лежит ответственность, она должна

стать тем исходным ручьем для выражения справедливой потребности народа. Народ ищет слова, точно выражающего свою потребность. Интеллигенция должна дать такому ищущему народу именно это слово, и вместе с народом осуществить общий идеал. Хождение в народ было такой самоотверженной попыткой интеллигенции в России.

Однако, после середины 70- годов XIX века, после неудачи хождения в народ, народническое движение склоняется всё более и более к националистической почве. Такая тенденция к национализму придает народничеству оппортунистический характер и рождает либо обманчивую тактику, как мы видим в чигиринском событии, либо впадает в терроризм, увлеченный героизмом. Ложное толкование идеала народа, якобы у народа характерны только культ царя и религиозность, оттолкнуло видных деятелей в лагерь консерваторов. Они были социалистами до того времени, пока они считали общину народным идеалом. По их образу мысли, истинным народником может считать себя лишь тот, кто служит “идеалам” народа, ими толкованным.

П. Л. Лавров никогда не уступал своевольным толкованиям народного идеала, а придерживался своих мыслей. Раскритиковали его за отвлеченность. Но лучшая традиция народнического движения, несмотря ни на что, поддерживалась интернационалистом-идеалистом, как П. Л. Лавров.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Каблиц (Юзов Н.), *Основы народничества*. Ч. 2, СПб., 1888, стр. 488–489.
- 2 П. Л. Лавров, *Народники-пропагандисты 1873–1878 гг.* 2-е изд. Л., 1925, стр. 273–274.
- 3 Вперед! – наша программа. “Вперед!” непериодическое обозрение, том 1, 1873, стр. 12.
- 4 П. Л. Лавров, *Народники-пропагандисты*, стр. 20.
- 5 Там же, стр. 276.
- 6 ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д.341, л. 8 об.
- 7 ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д.341, л. 52 об.
- 8 Н. А. Добролюбов, Что такое обломовщина? Собрание сочинений в трех томах, т. 2, М., 1952 с. 135.
- 9 П. Л. Лавров, Очерки вопросов практической философии. *Философия и социология. Избранные произведения в двух томах*. Т. 1, М., 1965, стр. 377.
- 10 П. Л. Лавров, Практическая философия Гегеля. Там же, стр. 276.
- 11 Там же, стр. 284.
- 12 П. Л. Лавров, Что такое антропология? Там же, стр. 488.
- 13 П. Л. Лавров, *Народники-пропагандисты*, стр. 20.
- 14 П. Л. Лавров, Биография-исповедь. *фил. и соц.* Т. 2, стр. 649.
- 15 П. Л. Миртов (Лавров), *Исторические письма*. СПб., 1870, стр. 67–68
- 16 Там же, стр. 62–63.
- 17 Peter Lavrov, *Historical Letters*. Translated with an Introduction and Notes by James P. Scanlan. University of California Press, Berkley and Los Angeles, 1967, p. 41.

- 18 Д. И. Писарев, Реалисты. *Избранные произведения*. Л., 1968, стр.343.
- 19 П. Л. Миртов, *там же*, стр. 112-113.
- 20 James P. Scanlan, *Ibid.*, p. 47.
- 21 П. Л. Миртов, *там же*, стр. 173.
- 22 *Там же*, стр. 102.
- 23 *Там же*, стр. 103-104.
- 24 *Там же*, стр. 104.
- 25 *Там же*, стр. 104.
- 26 Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер. "Голос минувшего", 1916, 9, стр. 116-117.
- 27 Вперёд! – наша программа. *Там же*, стр. 10.
- 28 *Там же*, стр. 10.
- 29 П. Л. Лавров, *Народники-пропагандисты*, стр. 89.
- 30 *Там же*, стр. 80-83.
- 31 *Там же*, стр. 84.
- 32 Вперёд! – наша программа. *Там же*, стр. 24.
- 33 *Там же*, стр. 25.
- 34 П. Л. Лавров, Слухи о войне. *Избранные сочинения на социально-политические темы*. Т. 4, стр. 37-38.
- 35 *Вперед!* дек 31, 1875, No. 24, 760-761.
- 36 Лев Дейч, *Роль евреев в русском революционном движении*. Т. 1, изд. 2-е, Государственное издательство, М. –Л., 1925, стр. 67.
- 37 *Там же*, стр. 34.
- 38 *Там же*, стр. 56.
- 39 Вперед! – наша программа. *Там же*, стр. 10.
- 40 ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 167, л. 28-28 об. *Письмо Драгоманова к Лаврову от 10 февраля 1878 г.*
- 41 *Там же*, л. 36, б. д. б. м.
- 42 Подробнее см. Т. Сасаки, П. Л. Лавров и революционное движение 70-х гг. XIX века. "Россиа-си кенкю," No. 24. 1975.
- 43 П. Л. Лавров, *Народники-пропагандисты*, стр. 245.
- 44 П. Л. Лавров, Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. в кн. : *Этюды о западной литературе*. Под ред. А. А. Гизетти и Витязева. Пг., 1923, стр. 8.
- 45 К. Накай, Михайло Драгоманов. Царизм і український мислитель. "Россиа-си кенкю," No. 38, 1983, стр. 34.